

Школьная библиотека

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО МАЛЬЧИКА

с 1933 г.

Сергей Петрович Алексеев
История крепостного мальчика
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73216583

История крепостного мальчика:

ISBN 978-5-08-007552-0

Аннотация

В этой книге две истории. Такие похожие и такие разные. Это повести о крепостных мальчишках, живших в период Пугачёвских бунтов, восстаний. Ребята прониклись витавшими тогда на Урале идеями освобождения народа из-под гнёта крепостного права, поняли, что человек не может принадлежать другому человеку, что все равны по праву рождения. Судьбы мальчишек и правда оказались разными, но такими типичными для того времени...

В повестях «История крепостного мальчика» и «Жизнь и смерть Гришатки Соколова» мы увидим, как люди относились друг к другу, к детям, что было можно и нельзя крепостным крестьянам, артистам, как легко ломали судьбы и рушились семьи в те времена.

Гришатка и Митька автором описаны живо, в них веришь, и понимаешь, что они точно когда-то жили: так говорили,

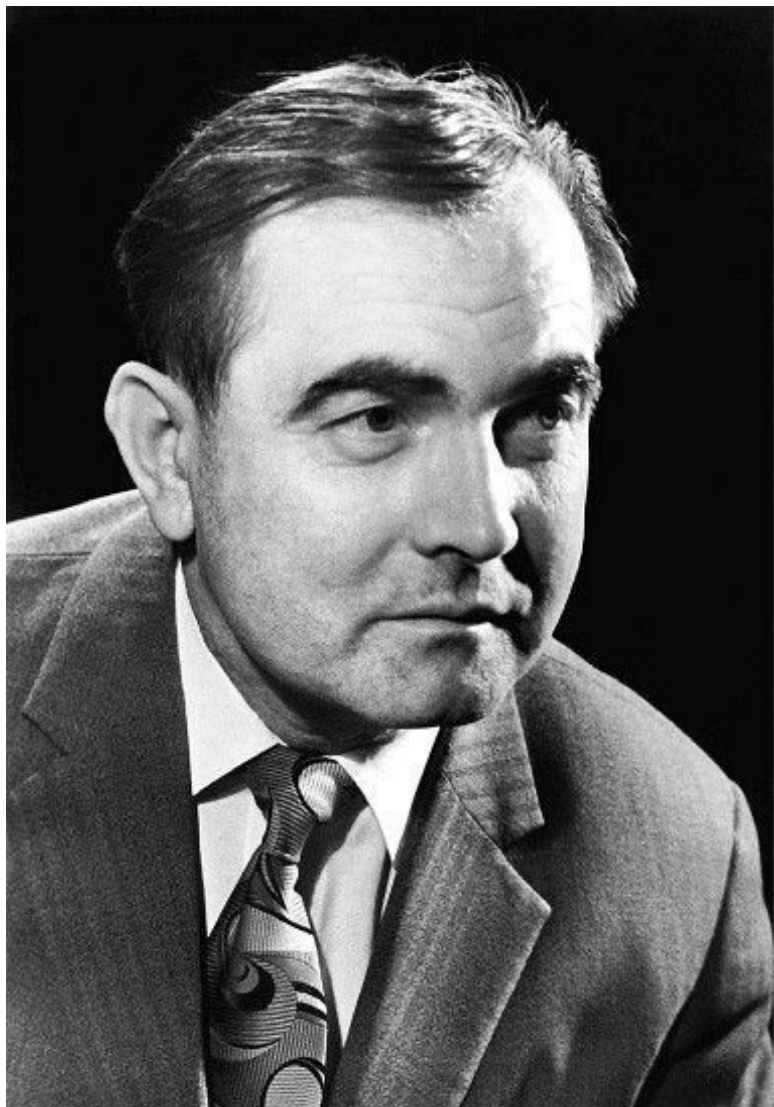
чувствовали и принимали решения! Открыв эту книгу – мы открываем для себя страницы истории нашей страны, а ведь известно, что, разбираясь в прошлом, лучше понимаешь настоящее и даже можешь предвидеть будущее.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Чутко и трепетно, честно и искренне	8
История крепостного мальчика	14
Глава первая	15
Родное село	15
Продали	16
Как жили	20
Розги	22
Гуси	25
Валенки	27
Дорога	28
Глава вторая	31
Граф Гушин	31
Дудка	33
Немой	35
Артисты приехали	37
Ушел	40
Погоня	41
«Вот ты где!»	44
«А он вовсе и не страшный»	45
Как скрипел снег	47
Генеральная репетиция	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Петрович Алексеев
История крепостного
мальчика

С. Алексю.

1922—2008

© Алексеев С. П., наследники, 1959, 1962

© Непомнящий Л. М., иллюстрации, наследники, 1982

© Белоусова Е. Н., илл. на перепл., 2025

© Оформление серии, вступит. статья. АО «Издательство
«Детская литература», 2025

Чутко и трепетно, честно и искренне

Детский писатель **СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ** (1922–2008) родился 1 апреля в селе Плисков Винницкой области на Украине в семье сельского врача и медицинской сестры. Познакомились его родители во время Первой мировой войны. Читать и писать Сережа научился дома, в семье, поэтому в школу пошел сразу во второй класс. В 10 лет его отправили в Москву к родным теткам по маминой линии. Жили они в историческом центре города недалеко от дома художника В. М. Васнецова и были личностями непростыми, скорее, даже неординарными, высокообразованными и необычайно начитанными. В их семье была огромная библиотека на нескольких языках, книгами из которой они позволяли пользоваться даже студентам, настолько собрание считалось уникальным. Одна из сестер была заведующей кафедрой английского языка в Московском государственном институте иностранных языков, другая – специалист по русской филологии, преподаватель Московского педагогического института. Две младшие сестры занимались домашними делами.

Казалось, тетки знали всю художественную и литературную Москву! Так что после деревенского вольного детства

маленький Сережа попал в дом, где важнее всего были дисциплина и образование. Удивительно, но мальчик оказался в состоянии оценить этот поворот судьбы. Он, как и все дети, играл во дворе с ровесниками, гонял мяч, но с не меньшим удовольствием ходил с родственницами в театр на постановки легендарного Таирова, с интересом посещал с ними музеи, читал книги из огромной домашней библиотеки.

Отдушиной для мальчишки было посещение тетушки, живущей отдельно, — она была попроще своих сестер, и характер ее был мягче. Так что можно было назвать эти походы маленькими каникулами, дающими немного вольности и теплоты.

Конечно, тети видели его продолжателем своей династии, но Сергей, хорошо учась в школе, хотел обычную мужскую профессию: он мечтал быть то пожарным, то метростроителем, то летчиком. И мечты о небе были самыми сильными! После школы он сначала занимался в аэроклубе, а позже, в 1940 году, поступил в авиационное училище. Забавно, но после строгости дома тетушек, военная дисциплина была ему не в тягость.

Во время учебы Алексеева застала Великая отечественная война. Их аэродром, который был рядом с границей, разгромили фашисты 22 июня 1941 года... Алексеева с товарищами после этих событий направили в Чкалов (сейчас город Оренбург) в летное училище, чтобы потом снова перебраться на фронт. Но так получилось, что именно его оставили

в должности инструктора, чтобы Сергей учил молодых летчиков.

Во время Великой Отечественной войны (в 1944 году) будущий писатель получает диплом учителя истории в Оренбургском педагогическом институте. История всегда интересовала Сергея Алексеева. Он будто напивался информацией (и в домашней библиотеке, и в институте), чтобы позже написать те книги и учебники, которые мы имеем сегодня! Без них не было бы должного образования и кругозора у школьников, которые читали их, учились по ним. Через призму его взгляда, доброго, чуть ироничного, мы воспринимаем огромный объем обязательной школьной программы и зачитываемся его рассказами о великих людях России.

Но тогда, в сороковые годы двадцатого века, Алексеев связывал свою жизнь только с авиацией. А судьба вела его в другую сторону. И знаки судьбы были страшными – потеря сознания за штурвалом самолета во время парада на Красной площади, аварии и травмы... Все говорило о том, что карьера летчика для него закончена. Но открыты другие дороги – учительства и передачи огромных энциклопедических знаний, которыми он обладал, будущим поколениям.

Пока Сергей Алексеев лечился после травм, он познакомился с легендарным Алексеем Петровичем Маресьевым, про которого автор Борис Полевой написал «Повесть о настоящем человеке». Это произвело большое впечатление на Сергея, и, вероятно, в то время появились замыслы истории

о великом летчике (позже Алексеев посвятил рассказ «Три подвига» своему легендарному товарищу).

Еще до травмы, полученной при неудачной посадке самолета, Алексеев хотел поступать в Высшую дипломатическую школу. Но снова не сложилось. У судьбы были свои планы на будущего писателя! Он стал редактором в издательстве «Детская литература». Позднее, в 1955 году, Алексееву доверили написать (в соавторстве с известным методистом и историком В. Г. Карцовым) учебник «История СССР: Учебная книга для 4 класса».

Все эти события шаг за шагом вели Алексеева к работе над книгами для детей по истории – интересными, захватывающими, легкими по восприятию, образными и яркими! До него мало кто отваживался в несложной, но в то же время познавательной форме, а не таблицами, столбиками и графиками, подавать школьникам историю нашей страны. Благодаря произведениям Алексеева нам стали ближе и Петр I, и Екатерина Великая, и генералиссимус Суворов, и фельдмаршал Кутузов.

А еще у Сергея Алексева есть серия книг – погружения в эпоху. Например, во времена Емельяна Пугачёва. Проживая историю мальчишек из двух повестей, мы узнаём о крепостном праве, о том, каково было матерям, когда продавали в чужое имение их детей, разлучали семьи, любимых, родных. Наверно, самое интересное в учебе – узнать историю своей страны через восприятие твоего ровесника из другого вре-

мени, увидеть важные события его глазами. Именно такие книги написал Сергей Петрович Алексеев. Он создал историческую библиотеку для детей в виде рассказов о выдающихся личностях, о великих битвах, – можно сказать, он создал часть нашего культурного кода.

Повесть в рассказах «История крепостного мальчика» – о Митьке Мышкине, о человеческом достоинстве, о потребности свободы, о том, что нельзя продавать и покупать людей... И только в 1861 году в Российской империи отменили рабство.

Вторая повесть, «Жизнь и смерть Гришатки Соколова», расскажет о восстании Емельяна Пугачёва, «мужицкого царя», увиденного глазами мальчика, проданного, оторванного от родителей, но сбежавшего и оказавшегося в самом центре судьбоносных исторических событий на Урале, в Оренбурге в 1773 году.

Понятно из названия повести, что в конце истории герой погибает, но это лишний раз показывает, что война – не место для детей, как бы хорошо к ним ни относились солдаты, как бы ни берегли их, ни опекали. Мальчик искренне поверил предводителю крестьян, стал его другом, соратником и спас от шальной пули... Гришатке были отданы высочайшие военные почести, но матери его не вернуть, только память о подвиге рожденного крепостным, но освободившегося мальчишки остается в веках.

Просто и понятно, чутко и трепетно, честно и искренне

рассказал эти истории Сергей Петрович Алексеев, за что мы будем благодарны автору и будем читать его книги еще долгие годы.

А. Трофимова

История крепостного мальчика

Повесть в рассказах

«Сколько стоит мальчик?» – «Какой нелепый вопрос! – скажете вы. – Разве мальчики продаются?! Разве можно торговать людьми!»

А ведь это было.

Было это во времена крепостного права, когда помещики могли продавать и покупать людей, как вещи.

В этой повести рассказывается о том, как жили в России почти двести лет назад.

Давайте мысленно перенесемся с вами в те времена.

Митя Мышкин – главный герой повести – мальчик, которого продали. Судьба его удивительна и необычна.

Вместе с ним вы побываете у барыни Мавры Ермолаевны, попадете к графу Гуцину, познакомитесь с девочкой Дашей, поедете на войну... Впрочем, не будем забегать вперед. Ведь обо всем вы узнаете, прочитав повесть.

Глава первая

Барыня Мавра Ермолаевна

Родное село

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой – был парк и усадьба господ Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шел лес. Темный-темный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случилось. И вдруг...

Как сейчас, помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

– Акси́нья, Акси́нья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушел. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Акси́нью за дверь и стал о чем-то шептаться. Митька приложил ухо к двери. Только о чем говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недоброе.

– Тять, тять! – приставал Митька к отцу. – Скажи, что такое, а, тять?

Только отец стал какой-то недобрый, всё отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

– Митяй, а вас продают! – закричали ребята. – И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

Продали

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики. И всё разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и еще один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие – те, кто ведет торг.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы

взглядом, заставляют открывать рот – зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Смотрит Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону – мать и отец, по другую – Кривой Савва...

– Ты чуть что – реви, – поучает Савва Митьку. – Баре, они ох как слёз не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продает закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

– Сегодня покупателей нет, – сказал Савва. – Мужик к осени не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждет, когда повезут назад, в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шел мужик. Борода нечесаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожил.

– Добрая баба! – заговорил, показывая на Митькину мать. – И мужик при ней. Баба смирная, работающая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

– Добрая баба... – опять начинает Грыжа.

– Но, но! – прикрикнула барыня. – Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замаялся староста, умолк: неудобно как-то мальчика одного продавать.

А барыня снова:

– Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждет, что скажет Грыжа. А Кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слёзы. Взвыл Митька, как под ножом, – даже Грыжа вздрогнул. А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подергала.

– Так сколько? – снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, – проговорил:

– Пять рублей.

– Что?! Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

– Четыре, – скинул Грыжа.

– Три, – набавила барыня.

Однако Грыжа уперся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слёзы, даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

– Ест много? – спросила Грыжу.

– Ест? – переспросил староста. – Да не, чего ему много

есть. Мало ест, больше пьет воду.

– Так какой он мужик, раз ест мало, – сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

– Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом – у-у, что птенец, прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

– Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечесаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дернул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

– Дитяtko мое! – запричитала. – Ох, люди добрые, сил моих нет... – Прижала к себе Митьку. – Не пущу, – кричит, – не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородатый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

– Ой, ой! – взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

Как жили

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у нее всего один дом, десятина земли да две души крепостных – кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С нее и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый – в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И еще во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор березка, и висел на березке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльцо, кричала:

– Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

– Гусеньки мои, гусеньки! – выводила она старческим го-

лосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное: барыня порола своих крепостных. Летом – прямо на улице, зимой – в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в соленой воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым били Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задира л рубашу и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, – отсчитывала Мавра Ермолаевна, – два, три...» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре, как бабе, полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поёرزывал распухшим задом по сиденью и всё норовил привстать.

– Садись! – прикрикивала на него барыня. – Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать. Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Розги

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

– Дядя Архип, а зачем розги?

– Пороть.

– Кого пороть? – удивился Митька.

– Кого? Вестимо кого: нас пороть, – ответил Архип.

– Так за что, дядя Архип?!

– Как – за что? – Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: – Для порядку. Ну, чтоб помнили свое место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

– И меня бить будут?

– Ну а чего бы тебя не бить? – отвечает Архип. – И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда – нет, словно и не было. Накинулась барыня на Архипа:

– За добром, ротозей, углядеть не можешь!

– Да тут они были, – оправдывается Архип и показывает на стену. – Они уже какой год тут висят. – И разводит руками.

Архип, Варвара, барыня – все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

– Брал розги? – спрашивает.

– Нет, – говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

– Врешь! – говорит барыня. – Брал. По лицу вижу, что брал. А Митька всё больше краснеет. Краснеет, но молчит.

Решает: не отдам, и всё. Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумачков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

Гуси

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнется. А гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гуси ожили. Вытянул гусак шею, зашипел: ш-ш, ш-ш! За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусаком, как по команде, всё стадо. С испуга мальчик бросился к двери, забарабанил, что было сил, кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была – уезжала в церковь.

Подошла барыня к двери, спрашивает:

– Одумался?

Не признаётся Митька, только колотит в дверь и кричит:

– Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

– А где розги спрятал? – спрашивает барыня.

Молчит Митька.

– Раз так, – сказала Мавра Ермолаевна, – пусть гуси тебя

съедят.

Села барыня в возок и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отзывается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке всё ближе и ближе...

– Кыш! – закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

– Кыш, кыш! Вот я вас! – отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы.

Схватил тогда Митька палку и ударил по жожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька еще больше. Потом успокоился, прилег и заснул.

И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо.

Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные».

Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись всё же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет. Сунула руку под

перину – розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мертвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

Валенки

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у нее в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда...

Только и слышится:

– Митька, в погреб сбегай!

– Митька, половик стряхни!

– Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна всё не засыпает.

Наконец заснет. Свернется и Митька, как щенок, калачиком. Только закроет глаза, слышит:

– Митька, воды подай!

– Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнется. И опять Митьке не спать. Требует барыня, чтобы Митька ей разные истории рас-

сказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про Серого Волка, и про господ Воротынских, и про старосту Степана Грыжу. А барыня – давай еще.

Днем-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трет горох, перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

– Да смотри, – говорит, – не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

– Митька! – закричала. – Митька, чего горелым пахнет?

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит: у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему барыня розог и приговаривала:

– Тебе что, ночи мало? Тебе еще и днем спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

Дорога

И стало Митьке невмочь. Забьется куда-нибудь, плачет.

Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит.

Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровник, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

– Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? – спросил Митька.

– Далеко, – ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и еще раз сказал: – Дале-ко-о!

– А наше село Закопанка еще дальше? – опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

– Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

– Село Чудово? – переспросила она. – Есть такое село. Только далёко ли оно, не ведаю. Я дале трех верст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа – он человек знающий.

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны.

Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

– Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идет?

– На мельницу, – сказала барыня.

– А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела. Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

– Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

– Так я, так, барыня... – начал Митька.

– Я те дам «так»! – перебила Мавра Ермолаевна. – Ты у меня смотри, опять розог захотел?... Архип, Архип! – позвала. – Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведет.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари. Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлеживался он в баньке, стонал и всё выговаривал:

– Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

– Ить, родненький, – говорила, – и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

Глава вторая

Даша

Граф Гуцин

Чтобы попасть в поместье графа Гуцина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом еще десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать еще две версты по старинному парку, по липовой ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гуцина – Барабиха. А вокруг Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зеленым ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И сёла, что раскинулись кругом, словно жуки расползлись, были графские. И люди, что жили в этих сёлах, – тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф Гуцин. Да и имение у Гуцина не одно. Были графские земли еще под Смоленском и под Орлом, а в Петербурге, на Невском проспекте, стоял высокий, с ка-

менными львами при входе дом Гущина. Здесь-то и жил сам граф. А в Барабиху навещался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Петербург.

Все остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иоганнович Нейман. Лет десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гущин привез тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжались в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да еще так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришел первым. Только призы давали не тем, кто вез, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлет из Петербурга. А управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гушин задачу своему управляющему!

Дудка

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава, барыня поставила Митьку к новому делу – пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, – сказал, – для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровён час, увидит сам Франца Иваныч, уж тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и всё недоброе. «Этот Франца, – говорил Архип, – скупее свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, – шептала Варвара. – В церковь не ходит, постов не блюдёт».

И чуть что, так пугала Митьку: «Вот барыня продаст немцу – будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подальше от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды – дело уже летом было – угнал Митька гусей лугом почти до гушинского парка. Сел на бережку, за-

играл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы. А в это время с горки от графского имения спускался на дрожках управляющий Франц Иоганнович и увидел гусей и Митьку.

– О майн гот!¹ – воскликнул немец, повернул лошадь и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дернул. обернулся – немец! Дудка сама из рук вон. А тут еще увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил – бежать! – Стой, стой! – закричал немец. – О, ты есть музыкант!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул – немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

– Иди сюда! – манит немец. – Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошел, однако встал так, чтобы чуть что – сразу бежать.

– О, ты есть музыкант! – снова сказал управляющий. – Ты чей есть? – спросил.

– Барыни Мавры Ермолаевны, – ответил Митька.

– Гу-ут, – протянул немец. – Зер гут!²

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок

¹ О боже! (нем.)

² Хорошо. Очень хорошо! (нем.)

сахару, сунул Митьке, сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит – матери принесет гостинец. А про себя подумал: «Говорили – немец злой. Вовсе он и не злой».

Немой

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину. Перина и решила всё дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привел немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза – два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло домашним теплом.

Изба, куда привел управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тетка Агафья – барская повариха.

Вначале Митька всего боялся, а больше всего девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

– И кой чёрт этого кутёнка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тетка Агафья.

– Тише! – крикнула она. – Чай, не своей волей.

И погладила Митьку по голове.

– Не бойсь, – приговаривала, – не бойсь, соколик!

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Гловым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», – говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьется, всех бьет и по черному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Ерошку. Митька еще в первую ночь слышал, как кто-то всё около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерошка. «Он трус, – говорил Тимка. – Всю ночь крутится возле вашей избы – это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки, и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всем слушался. А еще Тимка рассказал про господскую псарню и про немого, что за псами ходит. Тимка водил Митьку смотреть на немого.

Глянул Митька – и мороз по коже прошел. Зарос человек, как медведь, а ноздри – нет ноздрей, одни клочья болтаются.

– Что это? – спросил Митька.

– Разбойник, – ответил Тимка. – Вот ему ноздри и выдрали... – Эй, немой! – крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка – раз! – и убежал. Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за груд-

ки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.
– А-а! – закричал Митька.
А немой ничего не сделал, отпустил Митьку и ушел.
Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.
– Цыц, поганец! – кричала. – Сила нечистая чтоб тебя забрала!

Артисты приехали

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни исколесил – и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабиху артисты. Встречать прибывших высыпала вся дворня.

– Глядь, штаны-то какие, штаны! – кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

– Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? – хохотала девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущенно улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришел и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове – Митька никак понять не мог – ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька все ходил около барского флигелечка, где разместили артистов, – надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу. И все же Митька девочку подкараулил. Спрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскочил. Выскочил да и сам испугался. – Ты что? – спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

– Ты что? – повторила девочка. – Как тебя звать?

– Митька я, Мышкин.

– А я Даша, – сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

– А я тебя еще в первый день заприметил, ты в шали была!

– Да какая это шаль! – засмеялась Даша. – Это «шляпка» называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик

опять ободрился.

– А хочешь, я тебе поместье покажу? – спросил он.

– Хочу, – ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвел к псарне, показал, где господские амбары, а потом повел в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца. – А еще, – зашептал Митька, – у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали. Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

– А этот высокий – он кто тебе, папаня? – спросил Митька, когда они возвращались домой. – Нет, – ответила Даша. – Это Роланд.

– Кто? – переспросил Митька.

– Рыцарь Роланд, – повторила Даша. – Это роль у него такая.

– А мамка и папка у тебя тоже артисты? – спросил Митька.

– Да, – ответила Даша. – Только их продали князю Трегубову.

– Как – продали? – удивился Митька.

– Взяли да и продали, – ответила Даша. – Крепостные мы – вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

– Как так: артисты – и крепостные? – усомнился он.

– Конечно, крепостные, – ответила Даша.

– Все крепостные? – переспросил Митька.

– Да.

– И тот, что штаны в клетку?

– Да.

А Митька всё смотрел на Дашу и не верил: артисты – и вдруг крепостные!

Ушел

Жил Митька на новом месте, а всё о своем думал – бежать. И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказывал про свой план. И про сухари рассказывал.

– Вот здорово! – воскликнула Даша. – А куда ты побежишь, Митя? – спросила.

– В Закопанку, домой, – ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок – не ушел. Назначил другой – не ушел тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

– Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождался Митька вечера, лег на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

– Ты что, поганец, не спишь? – крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал еще немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк – и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка – за ним. Подходит, смотрит – мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок подмышку, а Палашка его за руку – хватить! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дернул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень – и в лес.

Ушел Митька.

Погоня

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

– Франца Иваныч! – будит. – Франца Иваныч!

Встреппенулса немец.

– Вас ист эс?³ – забормотал он.

– Митька бежал! – тараторит Палашка. – Митька бежал!

– Какой Митька? – не может взять в толк немец.

– Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.

– Так что есть Митька? – опять спрашивает немец.

– Утёк, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шел лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом всё ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» – бьется тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел – попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушел куда-то в сторону. Митька облегченно вздохнул. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам – то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг – хрусть – обломился сучок! Митька хватъ за другой – и тот хрусть!

³ Что это? (нем.)

– А-а-а! – заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждет, когда псы вцепятся.

А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызжут слюной, но не трогают. Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит – а перед ним Федька – драные ноздри!

Замычал Федор на псов, ударил одного арапником⁴ – те приумолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, еще страшнее. Федор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошел тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шел и всё думал, что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Федора не так уж боялся, но стыдно было перед Дашей. «Ну, – скажет, – и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет. Привел Федор Митьку на псарню, отвел в свой закуток, расстелил рядом, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушел куда-то Федор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Федор сюда привел, и чего они окружным путем шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька,

⁴ Арапник – длинная плеть.

уснуть не может.

«Вот ты где!»

– Вот те Франца всыплет! – кричала девка Палашка на Федора. – Мало тебе ноздри пообрывали, бока еще пообломают!

А Федор мычал и что-то руками показывал.

– Не догнал, Франца Иваныч, – докладывала утром Палашка немцу. – Утёк, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плюнул. Пригрозил всыпать и Палашке и Федору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Федор его выдавать немцу. Живет Митька на псарне день, живет два. Федор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет. Постепенно стал Митька привыкать к немому. А все-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Федора, и самому неловко.

Дней через пять повел с самого утра Федор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Федоровой камерке, вышел в сарай, где стояли собачьи клетки, решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в камерку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иоганнович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клетку, но Палашка как закричит:

– Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

– А-а!.. – протянул немец. – Вот ты где!

– Тут, тут! – тараторила девка Палашка. – Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлебку воровал. Я-то заметила. Ить, думаю, и за чем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых – связали Митьку. А через час, когда вернулся Федор, скрутили и Федора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Федора – двое взрослых мужиков, Митьку – Палашка.

– Ирод, – кричала Палашка, – вот тебе! Будешь знать, как честных людей обманывать! – И во всю силу врезала тяжелым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ёжился и вздрагивал.

– Не кричишь? – приговаривала Палашка. – Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

«А он вовсе и не страшный»

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит: ря-

дом на корточках сидит девочка. Признал Митя – Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

– Митя, – сказала, – жив?

– У-у, – промычал Митька.

– А мы-то уж думали... – Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тетка Агафья.

– Ну, жив, соколик? – спросила. – А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, – говорит, – всё я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтёрка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Федор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька всё лежит. И ходят к нему то Даша, то тетка Агафья, то обе разом. И Федор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует: что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тетка Агафья, и Митька – к ней.

– Тетка Агафья, – говорит, – а дядя Федор, он вовсе и не страшный.

– Не страшный, не страшный, соколик! – отвечает тетка Агафья. – А чего ему быть страшным? Ты слушай его, он, Митька, человек добрый, таких еще поискать нужно.

– А чего он немой? – спрашивает Митька. – И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

– Что ты, что ты, Бог с тобой! – замахала руками тетка Агафья. – Какой он разбойник! Все бы такими были! – По-

том наклонилась к Митьке и зашептала: – Ты про мужицкого царя слышал?

– Про Емельку Пугачёва? – спросил Митька. – Которому руки и ноги рубили?

– Какой он тебе Емелька! – повысила голос тетка Агафья. – Емелиан Иванович он! – И снова зашептала: – Федор-то был у Пугачёва своим человеком. А как разбили Пугачёва, схватили и Федора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, – он человек хороший, – уходя, еще раз сказала тетка Агафья.

А вечером пришел Федор и присел на лежанку. Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Федор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Федором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Федора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

Как скрипел снег

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег похозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что

вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тетке Агафье на кухню – помои вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима. Хоть и мороз пошаливал, и ветрено было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута – бежит к Даше. Позовет Тимка Глотов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тетка Агафья не отпускает. А сам – к Даше. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. Цок, цок! – шелкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, шелкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнет Митька белкам, свистнет – те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли взявшись за руки, тащили за собой санки – надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

– Садись, Даша.

Даша села. Митька вез санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами

– хрусть, хрусть!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

– Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

– Задразнили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вез Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки. Санки казались тяжелыми, ноги отяжелели, и снег хрустел уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

Генеральная репетиция

Обиделся в тот день Митька. Не забегал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелек актерский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние

приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Еще как-то раньше Даша говорила: «Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Пробепись в зал, там еще дверь с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил – и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», – решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошел в зал, спрятался за штору; стоит, замер. Прошел час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги затекать стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь – занавес. А на стенах и справа и слева висят портреты. Смотрят из золоченых рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной слышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошел управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды – у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через

несколько минут он открылся снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.